

*На мой взгляд, в наши дни борьба —
единственно достойный образ жизни.*

ДЖОЗЕФИНА ХЕРБСТ
В ПИСЬМЕ ЭРНЕСТУ ХЕМИНГУЭЮ
О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ
ОТ 16 МАРТА 1938 Г.

WRITER, SAILOR, SOLDIER, SPY

ERNEST HEMINGWAY'S SECRET ADVENTURES, 1935-1961

Nicholas Reynolds

A stylized, cursive signature logo consisting of the letters 'W', 'M', and 'P' intertwined.

WILLIAM MORROW

An Imprint of HarperCollins Publishers

НИКОЛАС РЕЙНОЛЬДС

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ
ЭРНЕСТА ХЕМИНГУЭЯ
1935–1961 ГГ.

**ПИСАТЕЛЬ,
МОРЯК,
СОЛДАТ,
ШПИОН**

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2020

УДК 821.111
ББК 83.3(7Сое)-8Хемингуэй Э.
Р35

Переводчик Вячеслав Ионов

Рейнольдс Н.

Р35 Писатель, моряк, солдат, шпион. Тайная жизнь Эрнеста Хемингуэя, 1935–1961 гг. / Николас Рейнольдс ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2020. — 400 с.

ISBN 978-5-00139-168-5

Хемингуэя всегда тянуло к опасности, риску и тайным операциям. Ярый антифашист, он чуть ли не с болезненной одержимостью стремился участвовать в разведывательной деятельности и сражениях на двух континентах. Его захватила война в Испании, он ездил в Китай в разгар Японо-китайской войны, охотился на немецкие подводные лодки в Карибском море, принимал участие в освобождении Парижа, наконец, поддерживал революцию на Кубе и приход к власти режима Кастро. Участие в этих событиях приносило впечатления и служило пищей для творчества, но в итоге стало и одной из причин его трагического конца.

Автор рассказывает полную историю скрытой стороны жизни Хемингуэя, о его связях с советскими спецслужбами и такими американскими ведомствами, как ФБР, Госдепартамент, разведуправление ВМС и Управление стратегических служб, предшественник ЦРУ. Книга представляет собой литературную биографию, написанную в духе триллера. Она значительно расширяет существующие представления о загадочной личности Папаши Хэма и адресована всем почитателям его творчества и любителям шпионских историй.

УДК 821.111

ББК 83.3(7Сое)-8Хемингуэй Э.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alпина.ru

© Nicholas Reynolds, 2017.

Публикуется с разрешения авторов и их литературных агентов ROSS YOON AGENCY (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2020

ISBN 978-5-00139-168-5 (рус.)
ISBN 978-0-06-244013-6 (англ.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Действующие лица / 7
Введение / 15

ГЛАВА 1
ПРОБУЖДЕНИЕ / 21

ГЛАВА 2
ПИСАТЕЛЬ И КОМИССАР / 37

ГЛАВА 3
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИСПАНИЮ / 61

ГЛАВА 4
КОЛОКОЛ ЗВОНИТ ПО РЕСПУБЛИКЕ / 77

ГЛАВА 5
СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ / 91

ГЛАВА 6
БЫТЬ ШПИОНОМ ИЛИ НЕ БЫТЬ / 113

ГЛАВА 7
АНТИФАШИСТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ CROOK FACTORY / 131

ГЛАВА 8
РИЛАН И ВОЙНА НА МОРЕ / 153

ГЛАВА 9
ПУТЬ В ПАРИЖ / 173

ГЛАВА 10
НА ФРОНТЕ / 195

ГЛАВА 11
«ЧУВСТВО ОМЕРЗЕНИЯ» / 207

ГЛАВА 12
ХОЛОДНАЯ ВОЙНА / 229

ГЛАВА 13
БЕЗ СВОБОДЫ ДЛЯ МАНЕВРА / 245

Эпилог / 285
Источники информации / 293
Благодарности / 307
Разрешения / 313
Примечания / 315
Предметно-именной указатель / 393

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бартон, Реймонд — генерал сухопутных сил США, командовавший 4-й пехотной дивизией и поддерживавший Хемингуэя как военного корреспондента во Франции в 1944 г.

Батиста, Фульхенсио — кубинский диктатор, свергнутый Фиделем Кастро 1 января 1959 г.

Бентли, Элизабет — выпускница Вассар-колледжа, вступившая в Коммунистическую партию в Нью-Йорке в 1935 г. и ставшая позднее советской шпионкой. Бентли была любовницей Якова Голоса, который завербовал Хемингуэя в НКВД. После смерти Голоса она пришла с повинной в ФБР и дала показания против своих бывших хозяев.

Бесси, Альва — американский коммунист, сражавшийся за Республику в Испании и написавший получившую широкую известность книгу с воспоминаниями «Люди в бою». Он стал одним из «Голливудской десятки» — группы писателей-коммунистов, которые попали в тюрьму за неуважение к конгрессу в 1947 г.

Бойден, Хейн — летчик Корпуса морской пехоты США, занимавший должность военно-морского атташе в американском посольстве в Гаване и поддерживавший участие Хемингуэя в охоте на немецкие подводные лодки в 1942 и 1943 гг.

Бонсал, Филип — посол США на Кубе в 1959–1960 гг., друживший в Хемингуэем и пытавшийся найти компромиссную позицию между кастровской Кубой и эйзенхауэровской Америкой.

Брейден, Спрюилл — посол США на Кубе в 1942–1945 гг., который вместе со своими помощниками Бойденом и Джойсом курировал работу Хемингуэя.

Брюс, Дэвид — начальник спецслужбы, познакомившийся с Хемингуэем в 1944 г. во Франции. Вместе они сыграли определенную роль в освобождении Парижа. После войны Брюс стал американским дипломатом высокого ранга.

Васильев, Александр — сотрудник КГБ, ставший журналистом, исследователем и изгнанником. В начале 1990-х гг. подписал контракт с СВР (российская разведывательная служба после завершения холодной войны) на исследование архивных дел НКВД/КГБ с целью подготовки материалов для передачи западным историкам (проект был организован с тем, чтобы привлечь средства для пенсионного фонда КГБ/СВР). Одним из дел, с которыми он познакомился, было досье Хемингуэя.

Вильярреаль, Рене — хранитель дома Хемингуэя на Кубе, которого называли «кубинским сыном» писателя.

Вулфф, Милтон — американец левого толка, который участвовал в гражданской войне в Испании, а потом продолжал борьбу за дело прогресса в 1940–1950-е гг.

Геллхорн, Марта — третья жена писателя, которая сопровождала его в Испании и Китае, была вместе с ним на Кубе и настояла на том, чтобы он написал о Второй мировой войне в Европе.

Гест, Уинстон — американский светский лев и спортсмен, служивший под началом Хемингуэя в антифашистской организации *Сгоок Factory* и на яхте *Pilar* во время ее военного похода.

Голос, Яков — пламенный революционер, эмигрировавший в Соединенные Штаты и ставший резидентом НКВД в Нью-Йорке. Привлек Хемингуэя к «общему делу» в конце 1940 или в начале 1941 г. Умер в День благодарения в 1943 г.

Гопкинс, Гарри — помощник президента Франклина Рузвельта, директор Федеральной администрации по чрезвычайной помощи — агентства по реализации «Нового курса», которое функционировало с 1933 по 1935 г.

Гувер, Эдгар — директор Федерального бюро расследований.

Гузенко, Игорь — советский шифровальщик, который перебежал на Запад в Оттаве в 1945 г. и прихватил с собой кучу секретных документов о советской разведывательной деятельности в Канаде и Соединенных Штатах.

Даль, Роальд — офицер Военно-воздушных сил Великобритании (и будущий известный писатель), который дружил с Мартой Геллхорн и помог Хемингуэю попасть в Европу в 1944 г.

Дженкинсон, сэр Энтони — молодой британский аристократ, присоединившийся к Лестеру Хемингуэю в патрулировании района Карибского моря в начале Второй мировой войны.

Джойс, Роберт — американский дипломат в Гаване, дружески относившийся к Хемингуэю и поддерживавший его контрразведывательную деятельность на суше и на море в 1942–1943 гг.

Дуран, Густаво — наделенный разнообразными талантами испанский композитор и военный, командовавший дивизией в армии Испанской Республики; дружил с Хемингуэем до 1943 г., когда их отношения прекратились; в 1950-е гг. сенатор Джозеф Маккарти обвинил его в том, что он является коммунистическим шпионом.

Ивенс, Йорис — голландский коммунист, кинематографист и деятель Коминтерна, работавший вместе с Хемингуэем над фильмом о гражданской войне в Испании.

Кайши, Чан — лидер националистов в Китае во время Второй мировой войны, который сражался и с японцами, и с коммунистами. Он встречался с Хемингуэем и Геллхорн в 1941 г.

Кастро, Фидель — кубинский революционер, свергнувший Фульхенсио Батисту в 1959 г. и установивший диктатуру левого толка.

Кашкин, Иван — советский литературный деятель, сыгравший важную роль в переводе работ Хемингуэя на русский язык и их представлении советским читателям.

Кёстлер, Артур — уроженец Венгрии, журналист и писатель, который сотрудничал с Вилли Мюнценбергом в Испании, но затем разочаровался в коммунизме и написал антисталинистский роман «Слепящая тьма» (Darkness at Noon).

Ланхем, Мэри «Пит» — жена Чарльза Ланхема.

Ланхем, Чарльз «Бак» — офицер сухопутных сил США, который познакомился с Хемингуэем на поле боя в 1944 г. и стал одним из его самых близких друзей. Они поддерживали регулярную переписку после войны.

Ледди, Р. Дж. — спецагент ФБР, работавший в американском посольстве в Гаване во время Второй мировой войны.

Лоусон, Джон Хоуард — голливудский сценарист и коммунист-догматик, отказавшийся в 1947 г. отвечать на вопросы Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности о своей связи с партией.

Маккарти, Джозеф — сенатор-республиканец от штата Висконсин, который возглавил поход против коммунистов в Вашингтоне в начале 1950-х гг.

Маклиш, Арчибальд — выдающийся американский поэт и писатель, работавший с Хемингуэем и Ивенсом над фильмом о гражданской войне в Испании. Франклин Делано Рузвельт назначил его директором библиотеки конгресса США.

Марти, Андре — французский коммунист, ставший руководителем интернациональных бригад во время гражданской войны в Испании и получивший известность за аресты и расстрелы солдат, заподозренных в неблагонадежности.

Маршалл, Сэмюэл Лайман Этвуд — американский военный историк, который встретился с Хемингуэем во время освобождения Парижа в 1944 г.

Моргентау-младший, Генри — министр финансов США, контактировавший с Хемингуэем примерно в то время, когда тот ездил в Китай в 1941 г., и интересовавшийся мнением писателя о ситуации в Азии.

Мэттьюз, Герберт — журналист *The New York Times*, подружившийся с Хемингуэем в Испании. Он отправился на Кубу для освещения прихода Кастро к власти и опубликовал революционную серию статей о нем и его движении.

Мюнценберг, Вилли — немецкий коммунист, блестяще координировавший пропагандистскую кампанию Коминтерна в Западной Европе в 1930-е гг.

Норт, Джо — американский коммунист, писатель и редактор, организовавший публикацию статей Хемингуэя в марксистских журналах. Не исключено, что именно он познакомил Хемингуэя с вербовщиком НКВД Голосом.

Орлов, Александр — резидент НКВД и руководитель разведсети в Испании с 1936 по 1938 г., познакомившийся с Хемингуэем и позволивший тому посетить тренировочный лагерь повстанцев, прежде чем ему самому пришлось скрываться в Соединенных Штатах от других прихвостней Сталина.

Пассос, Джон Дос — романист, друживший с Хемингуэем до 1937 г., когда их отношения прекратились из-за убийства в Испании Хосе Роблеса органами безопасности республиканцев или Советов.

Перкинс, Максвелл — редактор издательства Scribner's, долгое время работавший (а порою мучившийся) с Хемингуэем.

Райс, Альфред — адвокат Хемингуэя и фактически его литературный агент с 1948 г.

Реглер, Густав — немецкий коммунист, политкомиссар интернациональных бригад в Испании, где он подружился с Хемингуэем. Впоследствии он разочаровался в коммунизме, стал выступать против Сталина и эмигрировал в Мексику.

Роблес, Хосе — испанец, который эмигрировал в Соединенные Штаты, стал преподавателем в Университете Джона Хопкинса, а затем вернулся в Испанию для защиты Республики во время гражданской войны. Он был убит при невыясненных обстоятельствах сотрудниками республиканских или советских органов безопасности.

Руни, Энди — репортер газеты *Stars and Stripes*, встречавшийся с Хемингуэем на полях сражения во Франции в 1944 г.

Томасон-младший, Джон — офицер Корпуса морской пехоты США, работавший в разведуправлении ВМС США в Вашингтоне. Он поддержал Хемингуэя, когда тот решил заняться поиском немецких подводных лодок в кубинских водах в 1942–1943 гг., и сотрудничал с ним во время работы над сборником рассказов о войне.

Троцкий, Лев — большевистский военачальник и советский руководитель, бывший главным соперником советского диктатора Иосифа Сталина в борьбе за власть в 1920-х гг. Был вынужден эмигрировать в Мексику, где погиб от рук агента НКВД в 1940 г.

Уайт, Гарри Декстер — один из руководящих работников Министерства финансов США, поставивший перед Хемингуэем задачу собрать информацию о ситуации в Китае в 1941 г. После войны Уайта разоблачили как советского шпиона.

Уилсон, Эдмунд — американский левацкий литературный критик и писатель.

Уотсон, Эмметт — журналист из Сиэтла, который брал интервью у Хемингуэя в 1960 г. и выяснил правду о его самоубийстве в 1961 г.

Фицджеральд, Фрэнсис Скотт — романист и близкий друг Хемингуэя в 1920-х гг.

Франко, Франсиско — испанский генерал и лидер националистов, возглавивший мятежников в борьбе против Испанской Республики. После победы мятежников он стал диктатором страны и правил ею до самой смерти в 1975 г.

Фримен, Джозеф — американский писатель-коммунист, редактор журнала *New Masses* и знакомый Хемингуэя.

Хемингуэй, Валери Данби-Смит — последний секретарь писателя, которая после его смерти вышла замуж за третьего сына Хемингуэя, Грегори.

Хемингуэй, Грегори — третий, младший сын Хемингуэя.

Хемингуэй, Джон «Бамби» — старший сын писателя.

Хемингуэй, Лестер — младший брат Эрнеста, патрулировавший в 1940 г. район Карибского моря в поисках баз снабжения немецких подводных лодок.

Хемингуэй, Мэри Уэлш — четвертая, последняя жена писателя, с которой он познакомился в Лондоне в 1944 г. Их свадьба состоялась на Кубе в 1946 г.

Хемингуэй, Патрик — второй сын писателя.

Хемингуэй, Полин Пфайффер — вторая жена писателя, глубоко верующая католичка и мать Грегори и Патрика Хемингуэя.

Хемингуэй, Хэдли Ричардсон — первая жена писателя, мать Джона Хемингуэя.

Хербст, Джозефина (Джози) — американская новеллистка левых взглядов и друг Хемингуэя в Париже, Ки-Уэсте и Испании.

Херрманн, Джон — муж Джози Хербст, писатель и тайный агент коммунистов.

Хотчнер, Аарон — американский журналист и писатель, 1920 г. рождения, который приехал в Гавану в 1948 г., чтобы взять интервью у Хемингуэя, стал его ближайшим соратником, а после самоубийства писателя опубликовал пять книг и множество статей о нем.

Эйслер, Ханс — бывший немецкий коммунист, композитор, против которого Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности затеяла разбирательство в 1947 г.

Эньлай, Чжоу — харизматичный китайский коммунистический лидер, который встречался с Хемингуэем и Геллхорн.

Эррера, Хосе Луис (также известен как Эррера Сотолонго) — кубинский коммунист и ветеран гражданской войны в Испании, который был личным врачом и другом Хемингуэя.

ВВЕДЕНИЕ

В 2010 г. я занимал должность историка в «лучшем музее, который вы никогда не видели» — музее ЦРУ, расположенном в бесконечных коридорах здания эпохи Эйзенхауэра на закрытой территории в Северной Вирджинии. Мы готовились к открытию новой экспозиции, посвященной Управлению стратегических служб (УСС) — первой американской объединенной разведслужбе, которая была создана в 1942 г. Моя задача заключалась в сборе всего, что только удастся найти об этой организации, в том числе данных о ее кадровом составе.

УСС, формировавшееся в спешном порядке для борьбы с гитлеровской Германией и ее союзниками, было довольно необычной организацией — собранием представителей интеллектуальной элиты восточного побережья Америки в первоначальный момент и магнитом для талантливых людей из всех сфер деятельности, от юристов с Уолл-стрит до голливудских кинематографистов, авантюристов и солдат удачи, в их числе оказалась даже будущий автор книг по кулинарии Джулия Чайлд. УСС открывало для них возможность чуть ли не в буквальном смысле отыскивать для себя увлекательные занятия. Мало кого из этой разношерстной команды привлекала менее либеральная культура сухопутных и военно-морских сил.

Я с головой погрузился в исследование и неожиданно для себя натолкнулся на факты, которые увлекли меня в неизведанные воды. Раньше мне уже доводилось читать о том, как Эрнест Хемингуэй и полковник Дэвид Брюс из УСС «освободили» от немцев бар в отеле Ritz в Париже в августе 1944 г. Теперь же меня интересовало, нет ли каких-нибудь дополнений к этой истории. Хемингуэй не был чем-то совершенно инородным для УСС. Он любил секреты и то ощущение превосходства, которое они давали. Он жаждал действий, но не слишком годился для обычной военной службы. Его считали своим в разных социальных и экономических классах, и он легко перемещался через границы. На мой взгляд, у него было немало общего со многими представителями шпионской профессии, с которыми я встречался или о которых читал. Так что мешало ему работать на УСС? Какой на самом деле была полная история Хемингуэя и разведки во время Второй мировой войны?

Я тщательно изучал все источники, которые удавалось обнаружить. В библиографии ЦРУ упоминалось рассекреченное дело УСС, которое хранилось в Национальном архиве в Колледж-Парке, штат Мэриленд, недалеко от Вашингтона¹. Никто в архиве не мог отыскать это дело, несмотря на многочасовые поиски в хранилище среди старомодных скоросшивателей с тремя кольцами. В конечном итоге один из доброжелательно относившихся ко мне исследователей творчества Хемингуэя предоставил мне копию дела УСС, которое он раскопал в 1983 г. Попутно я обнаружил другие ссылки на некогда секретные дела УСС, ФБР и Госдепартамента.

В результате многомесячного упорного труда у меня начал вырисовываться портрет Хемингуэя, который не походил ни на что известное мне ранее. Писатель пытался участвовать — чуть ли не с болезненной одержимостью, на мой взгляд, — в разведывательной деятельности и в сражениях на двух континентах начиная с 1937 г., т. е. до Второй мировой войны и во время нее. Места, где это происходило, менялись и нередко были экзотическими: поля сражений в Испании, закоулки Гаваны, джонка на реке Бэйцзян в Китае. Его, казалось, тянуло к людям, которые действовали на свой страх и риск, оставаясь в тени. В какой-то момент третья жена Хемингуэя,

Марта, тайно подала прошение о его зачислении в штат УСС. Ее запрос рассматривали заместители директора и руководители направлений, которые оценивали возможности писателя в открытых заметках на полях сопроводительных писем.

А потом я узнал нечто поразительное: Хемингуэй начал работать на другую разведывательную службу, которая совершенно не вписывалась в устоявшуюся концепцию его жизни. Этой службой был советский НКВД — Народный комиссариат внутренних дел, предшественник более известного КГБ, который, несмотря на свое название, действовал как в своей стране, так и за ее пределами во времена холодной войны.

Я наткнулся на связь с НКВД, когда стал проверять, все ли базы источников учтены в моем исследовании. Я выискивал ссылки на Хемингуэя и разведку в самых неожиданных местах. Как-то раз мне попала на полке книга, написанная в 2009 г. отошедшим от дел офицером КГБ Александром Васильевым². В ней имелся раздел с дословными выдержками из официального досье Эрнеста Хемингуэя, которое Васильев тайно вывез из России. Приводимые Васильевым факты были убедительными. Документы о взаимосвязи Хемингуэя с НКВД говорили о том, что советский агент привлек Хемингуэя к «сотрудничеству на идеологической основе» в декабре 1940 г., когда Советским Союзом правил Сталин, было заключено соглашение о ненападении с Гитлером (пакт Молотова — Риббентропа), а в стране вовсю шли кровавые чистки, начавшиеся в 1934 г.

Как давний поклонник Хемингуэя, я почувствовал себя оплеванным, когда увидел, что он согласился работать на НКВД. Как такое могло случиться? У него всегда было много друзей с левыми взглядами, но он никогда не присягал коммунизму (или какой-то другой идеологии). Его герои олицетворяли немало американских ценностей, которыми мы дорожим и по сей день: правдивость, храбрость, независимость, сохранение достоинства в трудной ситуации, защита жертв несправедливости. Его убеждения были подлинно американскими — и революционными. Он изменил курс развития американской литературы в 1920-е гг. За несколько недель до того, как связаться с НКВД в конце 1940 г., Хемингуэй опубликовал один из вели-

чайших политических романов столетия «По ком звонит колокол». Почему такой человек согласился работать на сталинских приспешников? И почему он сделал это тайно, т. е. скрыл правду от своих друзей, родственников и читателей? Самые лучшие его творения, в конце концов, рождались потому, что он делился своим жизненным опытом, а не скрывал его.

Остановиться я уже не мог и после завершения работы над экспозицией, посвященной УСС, занялся поиском ответов на вопросы, так беспокоившие меня. Может, это ошибка, допущенная, например, при переводе или переписывании? А если нет, то как такое произошло? Как вербовка вписывается в общую картину? И что она означает для наследия Хемингуэя?

Главных действующих лиц уже не было в живых: советский вербовщик Хемингуэя умер в Гринвич-Виллидж на День благодарения в 1943 г. (в результате сердечного приступа после обильного застолья, как и некоторые его капиталистические враги), а сам Хемингуэй покончил с собой в 1961 г. Ушли из жизни и почти все близкие друзья писателя. Я понимал, что в основном мне придется опираться на письменные источники вроде советских архивов, которые так и не были официально рассекречены, да на частные документы и письма, не предназначенные для посторонних глаз. Оставалось надеяться, что в архивах и библиотеках сохранилось достаточно информации, объясняющей суть произошедшего.

И я пустился в поиски — день за днем просиживал в читальных залах библиотек по всей стране от Сан-Диего до Сиэтла, от Вашингтона до Бостона. Довольно быстро мне посчастливилось наткнуться на документы о Хемингуэе в Президентской библиотеке Джона Кеннеди. Я копался в переписке Хемингуэя — письма он писал ничуть не хуже романов — в комнате, окна которой смотрели на холодные воды Бостонской бухты, но интерьер напоминал гостиную на тропической Кубе, где лежали шкуры животных, а на столе рядом с диваном красовался кувшин с чем-то внешне похожим на ромовый коктейль «Дайкири».

Всю свою жизнь, еще задолго до работы в ЦРУ, мне хотелось докопаться до истоков какой-нибудь легенды. Исследования всегда

увлекали меня. Они, казалось, давали право не просто разок заглянуть в архив, а прийти туда снова. Еще одной неизученной книги о гражданской войне в Испании, Второй мировой войне или холодной войне всегда было мало. Так вот в течение трех лет я добавлял штрих за штрихом к новому портрету Хемингуэя, опираясь на свои необычные источники информации, в которые теперь входили личные бумаги генерала НКВД из Национального архива США, документы фэбээровского куратора писателя из другого вашингтонского архива и документальные свидетельства его разногласий с адвокатом, которые на первый взгляд касались авторских прав. Малоизвестные письма Хемингуэя, прочитанные в библиотеке Принстонского университета под строгим взглядом Джона Фостера Даллеса*, оказались на удивление многоговорящими в привязке к контексту.

В конечном итоге я пришел к выводу, что заигрывание Хемингуэя с НКВД и объясняющая его политическая подоплека сильно повлияли на жизнь и творчество писателя. Они отразились на многих его решениях, принятых в последние 15 лет жизни: на выборе местожительства, на характере написанных произведений, на поступках. Эта цепочка событий даже сыграла определенную роль в его самоубийстве в 1961 г. Драма разыгрывалась в значительной мере в его воображении, и он раздул ее сверх всякой меры. События холодной войны — красная угроза, кубинская революция и, за два месяца до смерти, провал операции в заливе Свиней — лишь усугубили ситуацию для него. Хемингуэй не понимал политику и интригу в той мере, в которой предполагал, и на протяжении долгого времени переоценивал свою способность контролировать себя и других и влиять на ход истории. Увидев границы своих возможностей, он сделал трагический вывод, что единственный путь восстановления контроля — это самоубийство.

Именно об этом и пойдет речь в моей книге.

*Николас Рейнольдс,
Вашингтон*

* Джон Фостер Даллес (1988–1959) — выпускник Принстонского университета, госсекретарь США при президенте Эйзенхауэре. — *Прим. пер.*

ГЛАВА 1

ПРОБУЖДЕНИЕ

Когда море опустошило землю

Хемингуэя не было там, и он не видел, как это произошло. Он находился 4 сентября 1935 г. на борту своей новенькой моторной яхты Pilar примерно в 120 км к северо-востоку от Ки-Уэста и держал путь к островам Анпер-Кис, чтобы принять участие в спасательной операции. Полный решимости сделать все возможное, чтобы помочь островитянам, пережившим один из самых сильных ураганов в истории Америки, он загрузил Pilar продовольствием, водой и всевозможными вещами, которые делали жизнь под открытым небом более сносной. Однако помогать было практически некому. Хемингуэй не видел ничего подобного даже на фронтах Италии во время Первой мировой войны. В День труда ураган пронесся над узкими, чуть возвышающимися над уровнем воды островами и оставил после себя разрушения, сравнимые с теми, что бывают после артиллерийского обстрела на протяжении целого дня. Множество больших деревьев было вывернуто с корнем. Уцелели лишь отдельные дома, остальные превратились в груды обломков. Около маленького почтового отделения на Айламорате порыв ветра опрокинул поезд, отправленный для эвакуации спасателей, и вагоны лежали на земле под самыми невероятными углами. Самым ужасным зрелищем были тела погибших, раздувшиеся на 30-градусной жаре. Многие плавали в воде, все

еще мутной после того, как схлынул 4,5-метровый штормовой прилив. В глаза бросалось скопление мертвых мужчин у деревянного причала — люди привязывали себя к сваям, чтобы их не унесло в море. Две женщины покоились на ветвях мангровых деревьев, устоявших под напором воды и ветра. Трудно сказать, пытались ли они спастись, забравшись повыше, или волны забросили их туда. Впрочем, теперь это не имело никакого значения. Единственное, чем великий писатель мог помочь мертвым, это рассказать миру о случившемся и о том, кого следовало винить в трагедии. Он решил, что должен стать свидетелем событий, и это изменило его жизнь.

К 1935 г., когда случился этот ураган, Хемингуэй уже достиг профессиональных высот. Рожденный на рубеже столетий, этот амбициозный человек из Оук-Парка, штат Иллинойс, стал зачинателем революции в литературе в свои 20 с небольшим лет. Два его бестселлера «Фиеста (И восходит солнце)» и «Прощай, оружие!» были отражением его собственной жизни в первые три десятилетия: имеющий ранения участник войны в 19 лет, затем иностранный корреспондент газеты *Toronto Daily Star* и член парижского кружка невероятно талантливых писателей из «потерянного поколения».

В обосновании присуждения Нобелевской премии по литературе, врученной Хемингуэю позднее, ясно объясняется привлекательность его работ: «честное и мужественное» отражение «образа эпохи» с характерным сочетанием простоты и точности. Силой того, что он писал, была краткость, захватывающее изложение историй скупыми словами, понятными миллионам читателей. Центром повествования всегда была личная храбрость: он демонстрировал «неподдельное восхищение каждым, кто боролся за правое дело в мире... полном насилия и смерти»¹.

Хемингуэй был настолько успешен, что постепенно превращался в стандарт для всех американских писателей и модель для подражания в глазах многих американских самостоятельно мыслящих граждан. Они читали Хемингуэя, цитировали его, копировали поведение и искали у него совета. Несмотря на чисто американ-

ские взгляды писателя, его считали одним из ведущих романистов мира. Соперников у него практически не было. Слава Хемингуэя докатилась даже до Советского Союза, где литература служила политике. Советские писатели все больше теряли свободу выражения своих представлений о мире и все больше обслуживали интересы государства. Это мало волновало аполитичного в целом Хемингуэя. Ему, однако, было приятно, что советские люди читают его произведения.

И вот 19 августа 1935 г., как раз в тот период, когда Хемингуэй ощущал недостаток внимания со стороны американских литературоведов, ему пришел пакет из Москвы с экземпляром переведенных на русский язык рассказов. Отправителем был выдающийся молодой переводчик и литератор по имени Иван Кашкин, который сделал для популяризации Хемингуэя в СССР больше, чем кто-либо другой, — сначала в кругу коллег по перу, а потом и среди более широкой публики, включая некоторых членов правящей элиты². Хемингуэй был рад увидеть русское издание и «в ожидании сочувствия и соучастия» прочитать вложенное послание Кашкина с похвалами в свой адрес³. В сопроводительном письме (адресованном «уважаемому сэру или мистеру Хемингуэю, а может быть, и уважаемому товарищу») Кашкин говорил почти безапелляционно о том, как хорошо советские читатели приняли работу писателя: «...в нашей стране нет таких, кто остался бы равнодушным к вашим блестящим и поразительным достижениям или стал радоваться неудачам»⁴. Хемингуэй тотчас же поблагодарил Кашкина и сказал, что «приятно, когда есть кто-то понимающий, о чем ты пишешь», в отличие от критиков в Нью-Йорке⁵. Это было первое из множества пространных и удивительно откровенных писем Хемингуэя человеку, которого он высоко ценил как критика и переводчика⁶.

Хемингуэю было приятно внимание советских читателей, однако он хотел показать Кашкину, что не собирается превращаться в коммуниста и даже просто в симпатизирующего коммунистам, что останется независимым, несмотря на попытки изменить его взгляды. В одном из писем Хемингуэй объяснял Кашкину, что, по словам

его доброжелателей и критиков, он рискует растерять друзей, если не станет марксистом. Но он их не слушал. «Писатель, — продолжал он, — все равно что цыган», который «не принадлежит ни одному государству» и «никогда не будет хранить верность государству, в котором живет». Для государства лучше быть маленьким; большое государство неизбежно «несправедливо»⁷.

Впрочем, что бы он там ни заявлял, читатели на левом фланге стали находить проявления классового сознания в произведениях Хемингуэя, где говорилось о нерадивости американских политиков и о том, как богатые в Америке закрывают глаза на ужасное положение бедных. Одни критики кивали на его короткий рассказ «Один рейс» о владельце судна, которому в результате экономического кризиса пришлось встать на преступный путь, другие, как ни странно, цитировали некоторые авторские высказывания о ситуации в Америке из книги «Зеленые холмы Африки», в которой на самом деле речь шла о развлечении богачей — охоте на крупного зверя⁸.

История, которую Хемингуэй написал для журнала *New Masses*, стала неожиданностью для многих американских левых и привлекла внимание Советов. Возглавляемый американскими левыми и коммунистами, этот литературно-критический журнал марксистского толка считался чуть ли не официальным органом Коммунистической партии США (КП США). Когда *New Masses* впервые вышел в свет в 1926 г., журнал *Time* охарактеризовал его как «чадающее судно, несуразное, но мощное, с красной носовой частью и красными отметинами на беспорядочно работающих механизмах»⁹.

Беспорядок мало беспокоил писателей, в число которых входили как мировые знаменитости вроде Бернарда Шоу и Максима Горького, так и третьестепенные авторы, известные только в левых кругах. Всем им нужно было где-то публиковаться. Некоторые работы были политическими, но большинство — нет. Хемингуэй предлагал статьи на самые разные темы, от происшествий во время корриды до гибели людей в засыпанном снегом альпийском шале. Он без стеснения ругался с редакторами после публикации разгромного отзыва о его повести «Вешние воды». Они револю-

ционереры, писал он своему старому другу поэту Эзре Паунду, лишь в силу надежды на то, что новая власть будет считать их «талантами»¹⁰. Редакторы в ответ упрекали Хемингуэя в том, что он слишком замкнут на личности и ничего не смыслит в экономических силах, определяющих ход американской истории.

Эти силы заявили о себе в полный голос в 1929 г. Тогда крах фондового рынка привел к глубочайшей депрессии, которая поставила под сомнение все, что было связано с американской мечтой. Двигатель капитализма, Уолл-стрит, застыл и не мог больше двигать экономику. Около четверти всех работников оказались на улице. По оценкам, два миллиона человек скитались по стране в товарных вагонах в поисках работы. Еще больше народа ходило голодным. Некогда успешные бизнесмены пытались продавать на перекрестках карандаши или яблоки, а потом занимали место в очереди за бесплатной миской супа. Ситуация на процветавших в прежние времена фермах страны была не лучше. Города не могли позволить себе потреблять мясо и сельхозпродукты в таком же количестве, как раньше, и депрессия распространилась на сельские районы. Дело усугубила продолжительная засуха на Великих равнинах: ветры в буквальном смысле сдували плодородные земли акр за акром, образуя гигантский пыльный котел.

После 1929 г. характер *New Masses* стал еще более радикальным. Редакторы решили выйти «на бурную арену, где кипели сражения» и отправить репортеров «в ряды пикетчиков... в беспокойные фермерские края [и] на тлеющий Юг»¹¹. Идея заключалась в получении из первых рук информации о страданиях, вызванных почти идеальным экономическим и экологическим штормом в стране. Рассказы об этом должны были привлечь читателей, которые созрели для того, чтобы трезво взглянуть на изъяны капитализма.

Далеким Советский Союз, казалось, предлагал решение. Советские обещали будущее без безработных и голодных. Они рисовали заманчивый образ справедливого бесклассового общества. Нацистская Германия и фашистская Италия были словно созданными на заказ противовесами Советскому Союзу. Речи Гитлера задавали тон в Германии. Энергично жестикулируя со сжаты-

ми кулаками, он яростно обвинял евреев и коммунистов в кризисе, охватившем Германию точно так же, как и весь мир. У него был другой выход из депрессии: заставить врагов замолчать, мобилизовать силы для войны, отобрать все, чего не хватает, у врагов. С таким подходом Гитлер и его напарник диктатор Муссолини толкали американских деятелей культуры в объятия левых, причем в значительно более крепкие объятия, чем в ином случае¹².

Еще до депрессии Хемингуэй перебрался в Ки-Уэст вместе со своей второй женой Полин Пфайффер. Там можно было создать семейное гнездо, а у активного, статного спортсмена — рослого (180 см), мускулистого, с густыми темными волосами и темными глазами, привлекавшими внимание, — оставалась возможность вести суровую жизнь на свежем воздухе или как минимум одеваться соответствующим образом: ходить босиком в простой полурасстегнутой рубаше и коротких брюках, подвязанных веревкой.

Ки-Уэст, на самом южном из островов, — это почти последний кусочек суши в цепочке островков, которая тянется от полуострова Флорида в Мексиканском заливе. В 1928 г. он был тропическим раем для неимущих, до которого можно было добраться только по железной дороге или на лодке. Многие улицы там были немощеными, а наличием водопровода и электричества мог похвастаться далеко не каждый дом. С продуктовым магазином соседствовал небольшой склад, где продавались товары первой необходимости.

Берег находился совсем близко, а вода всегда была теплой и прозрачной. До песчаного дна даже на пятиметровой глубине, казалось, можно достать рукой. Рыба, снующая над песком, легко становилась добычей местных жителей. Подальше от берега рыбалка была еще лучше. Рыбаки продавали дневной улов или отдавали его в обмен на что-то соседям, которые дополняли свой рацион рисом и фасолью со склада и фруктами из собственного сада. После ужина каждый мог посидеть на городском пирсе и посмотреть, как солнце садится в океан, а потом отправиться в обшарпанный бар, называвшийся поначалу Blind Pig, потом Silver

Slipper и, наконец, Sloppy Joe's. Как бы он ни назывался, там всегда можно было «найти хорошую компанию, сыграть на деньги, выпить 15-центового виски и 10-центового... джина»¹³.

Хемингуэй впервые услышал о Ки-Уэсте от своего собрата по перу Джона Дос Пассоса, интеллектуала из Балтимора, — высокого, застенчивого, лысеющего, скорее рассудительного, чем несдержанного, смахивающего на профессора. Несмотря на свой вид, Дос Пассос был любителем природы ничуть не меньше известного рыбака и охотника Хемингуэя. Он набрел на это место во время бродяжничества по островам Флорида-Кис в 1924 г. и написал о нем Хемингуэю. Тот оправился посмотреть, тоже поддался очарованию местных красот и в конечном итоге обосновался в хорошем, сложенном из белого камня двухэтажном доме на Уайтхед-стрит.

Тропический рай на острове: дом Хемингуэя на Уайтхед-стрит в Ки-Уэст. *Источник:* NY World Telegram and Sun Collection, Library of Congress

Депрессия не обошла стороной город на острове. К 1934 г. Ки-Уэст стал банкротом в буквальном смысле: он не мог собрать достаточно налогов, чтобы оплачивать свои счета. На помощь пришла рузвельтовская Федеральная администрация по чрезвычайной помощи¹⁴. Остров в определенной мере был привлекателен своей изолированностью от материка, а тут национальное агентство, отодвинув в сторону местную власть, взялось спасать его от самого себя. Дос Пассос недолго раздумывал над результатами такого оборота дел. То, что он называл «шантажом под видом помощи», превращало «город независимых рыбаков и контрабандистов» в «ферму на госдотации»¹⁵. Хемингуэй был полностью согласен с ним. Новый курс Рузвельта, т. е. предложенный президентом выход из депрессии, смахивал на «мероприятие Ассоциации молодых христиан», организованное «витающими в облаках недоносками». С точки зрения Хемингуэя, который всегда превозносил уверенность в собственных силах, Новый курс подталкивал людей бросать работу и довольствоваться социальным пособием¹⁶. К тому же план оздоровления предполагал превращение Ки-Уэста в туристическую Мекку, а дом знаменитого писателя на Уайтхед-стрит — в одну из достопримечательностей, что лишало Хемингуэя и его семью уединения. Так или иначе, они называли это место домом вплоть до 1940 г.

На островах Флорида-Кис жизнь проходила на лоне природы, и для такого остро чувствующего погоду человека, как Хемингуэй, было нетрудно заметить приближение шторма. В одну из ночей августа 1935 г. крепкий ветер гнал по небу темные облака, а барометр падал. Увидев в газете подтверждение своих предчувствий, Хемингуэй без промедления занялся подготовкой дома и судна к шторму. Его выполненная из дуба и красного дерева яхта *Pilgr* в точности соответствовала требованиям писателя: на ней можно было не только рыбачить, но и жить на открытой воде. В ту ночь яхта стояла на якоре в нескольких кварталах от дома, рядом с укрытиями для подводных лодок на верфи военно-морских сил. Хемингуэй провел там пять часов, делая все мыс-

Хемингуэй и Дос Пассос, друзья с непростыми отношениями, на рыбацком судне недалеко от Ки-Уэста. *Источник:* Ernest Hemingway Photo Collection, JFK Library

лимое для повышения шансов яхты на выживание во время предстоящего испытания.

В конечном итоге шторм не причинил Ки-Уэсту значительного вреда, а обрушился со всей силой на острова Миддл- и Аппер-Кис. Хемингуэй подождал, пока шторм стихнет, и отправился на северо-восток, чтобы оценить нанесенный ущерб и понять, чем он может помочь. Там он увидел масштабы катастрофы. Деревья сто-

яли голые, как будто опаленные пламенем, а земля, казалось, превратилась в пустыню¹⁷. Такие картины попадались на глаза, пока он не достиг прибрежных лагерей ветеранов Первой мировой войны, которые были заняты в строительном проекте в рамках Нового курса. Там опустошение было намного серьезнее. Примитивные деревянные хижины, сколоченные из грубых досок, с крышей из парусины просто исчезли. Тела погибших были разбросаны тут и там, как обломки корабля после крушения. Хемингуэй не видел так много погибших в одном месте с 1918 г. Он не раз говорил, что на войне привыкаешь к смерти. Солдат должен просто смириться с ней. Но сейчас *не было* войны, и с этим *невозможно* было смириться.

В пространным письме редактору Максвеллу Перкинсу из издательства Charles Scribner's Sons Хемингуэй не смог сдержать свои чувства и не рассказать об увиденном¹⁸. Его описание полуголых тел, разлагающихся на солнце, было чересчур ужасным для настоящего ньюйоркца, который отправляется в море на рыбалку в пиджаке и галстуке. Хемингуэй считал, что ветеранов «практически убили». Он обвинял президента и руководителя Федеральной администрации по чрезвычайной помощи, бывшего социального работника Гарри Гопкинса, а теперь представителя Рузвельта. Они «отправили этих несчастных служаков сюда, чтобы спроводить их с глаз долой» и в конечном итоге «избавились от них»¹⁹. (Правда заключалась лишь в том, что администрация Рузвельта предложила безработным ветеранам, устраивавшим протесты в Вашингтоне, возможность работать на островах.) Для Хемингуэя эта история была еще одним подтверждением порочности федерального правительства и Новой политики.

Джо Норт, один из редакторов-коммунистов журнала *New Masses*, который время от времени возникал на пути Хемингуэя, отправил писателю телеграмму с просьбой написать статью об этом стихийном бедствии. Норт искал материалы, которые могли выставить Новую политику в плохом свете. По мнению коммунистов в те дни, администрация Рузвельта ничем не отличалась от администрации Гувера за одним исключением: новый президент преподносил свою капиталистическую политику с улыбкой²⁰.